

УДК 2 (23/28)
ББК Ю 0/8 87

О ДИХОТОМИЧЕСКИХ СВОЙСТВАХ РАЗУМА (из истории европейской философской мысли)

О. В. Усалко

Одно из самых поразительных различий между конституционными демократиями и тираниями нашего времени имеет отношение к определенным свойствам разума. В конституционных демократиях люди склонны мыслить категориями дихотомий — веры и разума, церкви и государства, личного и общественного, исполнительного и законодательного. Они самопроизвольно осторожны в концептуальной унификации, и их осторожность направлена на разделенные силы и ограниченные претензии. В тираниях, особенно в идеологических и тоталитарных, люди склонны игнорировать или отвергать подобные дихотомии. Охарактеризованные свойства концептуальной унификации направлены на концентрированную власть и непроверяемые претензии, которые ведут к ужасам, характерным для режимов тирании.

Святой Августин — величайший пример дихотомического свойства разума и родоначальник европейского дихотомического мышления новой эры; Локк, Монтескье и Берк были лишь его наследниками. И хотя он так же важен в развитии современного общества, как любая фигура классической политической философии, он часто демонстрирует религиозную нетерпимость. Тем не менее, он не был чужд умеренности и терпимости.

Дихотомии Августина известны. Некоторые относятся к объективному миру: империя и церковь, история и эсхатология, эра язычества и эра христианства. Другие относятся к разуму. Они включают как субъективное понимание времени Августином, так и объективное, явленное в его попытках установить верховенство истины христианского учения, включающего веру и разум.

В наследии Августина есть и другие дихотомии. В самом центре его круга идей находятся антитезы, относящиеся к свобо-

де, — например, свобода и закон, свобода и милость. Одной из важнейших является дихотомия универсальности и уникальности. Первой присуще принятие того, что Бог и мораль могут быть в некотором роде познаны через рациональные категории, доступные всем людям, — вторая выражена центральной идеей, что Бог не познаваем полностью, но лишь одними понятиями общего рода, явленными Богом, Богом Авраама, Исаака и Иакова, который воплотился в Иисусе Христе. Над всеми другими дихотомиями находится антитезис Града Господня и Земного Града [Августин 1991: 230].

Августин привычно воздерживается от объединения воспринимаемых как антитезы социальных институтов, ментальных способностей, временных периодов и т. д. Он даже делает акцент на полярностях и напряжениях, усматривая ограниченность в интеллектуальных операциях, распятых между самоанализом и исследованием, между разумом и верой. Если бы мы не были охвачены грехом, свобода просто была бы эквивалентом праведности, не противоречила бы моральным законам, не зависела бы от каждого проявления божественного милосердия. И если бы мы были безгрешны, мы бы существовали в абсолютном единстве божественной уникальности и универсальности.

Оба полюса полностью легитимны, хотя и не обязательно равны по достоинству или логическому рангу. Легитимно, например, придерживаться и веры и разума, хотя вера по рангу выше разума, если иметь в виду достижение понимания и упорядочения жизни. Отсюда следует, что дихотомии — это не просто упрямые факты. В некоторой степени они являются нормами, и изучение этих норм неотъемлемо для сбалансированного понимания мира людей и управления человеческой жизнью. Дихотомия церкви

и государства — это институты человеческой мудрости, признаваемые издревле, и игнорирование этого принципа подвергает общество опасности хаоса. Также как определение выводов веры и разума привело бы к путанице. Игнорирование дихотомий подрывает цивилизованную жизнь. Различия и балансы, которые лежат в основе цивилизованного человеческого порядка насильно стираются, следствием чего является разрушение гуманистических традиций.

Простого здравого смысла недостаточно для рассмотрения дихотомий. Даже цивилизация греков была серьезно расколота несовершенными дихотомиями, вместе с недостаточностью стремления к единству. Платон признал, что есть вопросы, на которые философ не мог ответить без помощи Божественного откровения, на получение которого сам он не претендовал. В «Федоне» Платона Симмий признается Сократу в том, как сложно достичь уверенности насчет участи души после смерти. Он говорил, что мудрец должен взять лучшую и неопровержимую из человеческих теорий и позволить ей служить плотом, на котором он будет плыть по жизни, если он сможет найти какое-либо слово Бога, которое будет его вести более уверенно и безопасно [Платон 1994: 40]. Все это трагично описано Платоном в «Республике» — идеале одновременно духовно вдохновляемом и политически пугающем. Познание и уважение дихотомий, таким образом, зависит от большего, чем благопристойность, которая воздерживается от жестоких проектов унификации.

Неполноценность разума была иначе выражена Кантом, который заявлял, что в демонстрации некомпетентности разума для достижения умозрительной уверенности в вопросах, касающихся Бога, свободы и бессмертия, он оставлял место вере. Кант крайне минимизировал масштаб теоретического разума, и его концепция веры может свестись к христианской ортодоксии, но можно согласиться с его тезисом, что признанием лимитов ума мы можем лучше оценить нужду в вере [Асмус 2005: 73].

Определенные формы экзистенциализма настаивают на том, что реальность допустима только через субъективность. Позитивизм же утверждает, что реальность доступна только через объективность. Современность кажется полярностью ума и веры, полярность трагичная для начала

современного периода в сопоставлении с Ренессансом и Реформацией. И триста лет спустя неспособность современного интеллекта держать разум и веру в балансе была драматизирована Гегелем и Кьеркегором. Кьеркегор, частично реагируя на Гегеля, поставил гуманность в зависимость от веры и веру в неповиновение разуму [Быховский 1975: 58].

Когда мы изучаем внешний мир ради сходных примеров краха дихотомий, мы понимаем, что иным словом для такого краха является «идолопоклонство». Вокруг нас вместо дихотомий мы видим политических идолов. Больше нет напряжения между духовными и земными властями, а общество находится одновременно под духовной и земной властью одного хозяина, одного вдохновленного лидера, одной законной партии. Люди — не члены одновременно двух, более или менее противоречивых обществ, одного, ориентированного к вечности, и другого — устремленного к земле. Все являются членами одного общества — возможно, социального класса, предназначенного историей идеально продемонстрировать интересы всего человечества, возможно, государства, мнимо служащего идее превосходства расы.

Государство, возможно, является главным идиолом современного человека. Такие категории, как раса или класс, смутны и неосвязаемы. Они нуждаются в твердом воплощении, которое предоставляет государство. Сходным образом идеологизированный лидер или партия нуждаются в аппарате власти, который также предоставляется государством. Но государство никогда не является слугой богов. В своей идее необъятной власти, вездесущности и бессмертности оно самое пленительное из всех идолов.

Один из самых решительных стимулов для развития современного понимания зародился на закате античности вместе с возвышением христианской церкви, которая релятивизировала государство. Больше нельзя было сказать, что человек был только «политическим животным». Самый очаровательный из всех идолов был понижен до статуса слуги — слуги христианской жизни, с точки зрения Августина и средневековья. Если бы эта релятивизация не появилась, стабильная свобода не была бы достигнута. Но такая релятивизация имеет смысл только в контексте дихотомий. Вот почему упадок дихотомий привел к возвышению

абсолютного государства и, как следствие, отказу от свободы.

Божественный центр августиинанской вселенной поддерживал двойную независимость человеческой жизни. Одним аспектом этой независимости была идея божественного провидения. Бог во всех деталях руководил раскрытием событий человеческой жизни. Но божественное руководство не было принудительным, по крайней мере, в идеале это не так, что дает нам второй аспект божественной независимости, по Августину. Бог требовал от людей добровольного подчинения и признания Его правления. Праведный человек, член Града Господня был тем, чья жизнь фокусирова-

лась через любовь вселенского правителя, который гарантировал, что кажущийся хаос истории является порядком.

В современном мире верховная власть Бога в двух своих аспектах практически исчезла из умов людей. Идея о том, что любое событие в истории и каждая мелочь человеческой жизни происходит по воле Божьей, для светского разума стала не убедительной. С исчезновением из современных умов исторической верховной власти Бога другой аспект, который сохранялся через любовь к Богу, также исчез. Идеи милосердия природы, высказанные в трудах Августина, едва постижимы для светских умов XXI века.

Литература

Августин А. Исповедь / пер. с лат. М. Е. Сергеевко. М.: «Ренессанс», СП ИВО Сид, 1991. 488 с.
Асмус В. Ф. Иммануил Кант. М.: Высшая школа, 2005. 439 с.

Быховский Б. Э. Кьеркегор. (1813–1855). М.: Мысль, 1972. 240 с.
Платон. Собрание сочинений. В 4 т. / под общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи. (Серия «Философское наследие»). М.: Мысль, 1990–1994. Т. 2. 1993. 528 с.

References

Asmus V. F. Immanuel Kant. Moscow: Vysshaya shkola, 2005. 439 p. (In Russ.)
Augustine A. [Confession]. M. E. Sergeenko (transl.). Moscow: Renaissance, 1991. 488 p. (In Russ.)

Bykhovsky B. E. [Kierkegaard (1813–1855)]. Moscow: Mysl, 1972. 240 p. (In Russ.)
Plato. [Collected Works]. In 4 vol. Vol. 2. Moscow: Mysl, 1993. 528 p. (In Russ.)